

Моя мать — а она не любила обращения «мама», предпочитая «мать», — до конца дней обладала великолепной стройностью фигуры и оставалась весьма элегантною. Она была прирождённою журналисткою, выражалась в высшей степени метко и по существу, поэтому в эпоху, когда женщин к подобным профессиям не допускали, несомненно, упустила своё призвание, хотя могла бы с блеском быть принята в издательский дом Ульшгайн. Она писала прекрасные письма, нередко большие статьи для литературного приложения газеты, и всегда каллиграфическим почерком. У меня хранится несколько связок её поздних писем в Иерусалим. Кроме того, она была неизменным поэтом нашей семьи и с великою лёгкостью плодила стихи и пьесы семейной тематики, которые мы, четверо братьев, разыгрывали по случаю разных свадеб и других семейных событий в период между 1903 и 1908 годами. Меня при этом крайне бесило, что я, как самый младший, почти всегда принуждён был представлять девиц, для чего меня наряжали в прециозные платья моей кузины Марго, практически моей ровесницы. Меня это чрезвычайно коробило. Мать также довольно много читала, по большей части романы и стихи, причём её интересы простирались от Шиллера до Рихарда Демеля, включая также Эмиля Верхарна, во многом прекрасно переведённого Стефаном Цвейгом. Георге и Рильке, по её признанию, были для неё слишком утончённы. Из её литературных талантов я извлекаю для себя большую выгоду.

Братья Шолемы
в восточных костюмах.
Слева направо: Герхард (Гершом),
Райнхольд, Эрих и Вернер.
На свадьбе дяди
Теобальда Шолема.
Берлин. Сер. 1900-х

Многие темы, которые я получал для домашних сочинений в старших классах, вызывали у неё интерес, и если ей какая-то особо нравилась, она говорила: это я сама напишу. И она действительно великолепно выполняла задание. Весной 1914 года, когда я уже с головой был погружён в тематику иудаизма и всё своё свободное время посвящал изучению иврита, нам задали тему для большого сочинения «Рейн, свидетель немецкой жизни», отведя для его написания четыре недели. Меня эта тема нимало не интересовала, зато мать пришла от неё в восторг. «Предоставь это мне», — сказала она. «Но ты должна будешь обязательно упомянуть

еврейские гонения во время Первого крестового похода, избиение евреев в Майнце, Вормсе и Шпайере!» Возражений у неё это не вызвало, и она сочинила для меня потрясающий лирический монолог, в котором «Отец Рейн» описывает то, что происходило на его берегах, и заканчивает патетическим стихотворным пассажем (из Эрнста Вольцогена): «О, глас глубочайшей молитвы есть труд. / Кто всё понимает, и это поймут. / Его ты отыщешь в трудах». Я получил «за поэтическую форму» лучшую оценку и до сих пор храню эту памятную тетрадь. Учитель немецкого спросил тогда: «Где вы почерпнули эти чудесные стихи?»

У матери был счастливый темперамент и к тому же легко приспособляемый характер, что позволяло ей без особых затруднений находить себя в любом обществе и окружении. Поначалу это приводило к конфликтам между нами. Мне нередко доводилось бывать с нею вместе у кого-нибудь в гостях, и должен сказать, что она, недолго думая, в разных местах высказывала мнение, пусть и несовместимое с её прежними суждениями, но всегда удобное хозяевам дома. На мои упрёки, недостатка в которых, при моём-то формирующемся характере, никогда не было, она отвечала словами, которые до сих пор звучат у меня ушах: «Не упрёкай меня, сынок». И лишь гораздо позже, когда разразилась череда конфликтов между мной и моим братом Вернером, и груз этих раздоров лёг больше на её плечи, чем на наши, я понял её главное желание: создать покой вокруг себя. Ради этого она шла на большие жертвы. Выше я сказал, что у неё был счастливый темперамент, однако я до сих пор так и не знаю, была ли она счастлива. Она страстно любила путешествовать, и поскольку наше семейство становилось год от года более состоятельным, могла позволить себе какую-нибудь поездку два, а то и три раза в год. Но путешествовала

I. Происхождение, детство (1897–1910)

она всегда одна либо с какой-то из своих подруг, а во время больших каникул — с нами, детьми, позднее же, после 1904 года, больше всего со мной и братом Вернером. Так и получилось, что между 1909 и 1914 я четырежды с ней путешествовал. Мы с ней побывали в Швейцарии — в Лугано, на курортах Бриенцкого озера и высоко в горах в долине Мадеранерталя, где и застало нас начало Первой мировой войны. Отец приезжал к нам иногда в конце недели, если находился не слишком далеко от Берлина, а также на последнюю неделю больших каникул.

Среди близких родственников она конечно же пользовалась исключительной любовью. Этому помимо спокойного и весёлого нрава, а равно безупречно складной и остроумной речи способствовало ещё и то, что она, будучи много старше остальных дядей и тёток, никогда этого не подчёркивала, и таким образом уважение к старшим само собой перетекало в доверительное отношение к ней. Жаркие споры о социализме, сионизме или по поводу отношения к Первой мировой войне, которые вскорости заняли столь большое место в нашей жизни, никогда не подталкивали её к страстному или даже просто твёрдому отстаиванию той или иной позиции. Она с пониманием относилась к обеим сторонам, сама же никогда ничем себя не связывала — ни себя, ни других. Я не мог на неё за это не обижаться — был для этого слишком азартен и безапелляционен, она же на самом деле, не могу этого не признать, даже в весьма непростых обстоятельствах сделала для меня очень много, даже и под угрозой горьких супружеских раздоров.